

Концептология в Украине: обзор проблематики // Лингвоконцептология: перспективные направления: монография / авт. кол.: А.Э. Левицкий, С.И. Потапенко, О.П. Воробьёва и др.; под ред. А.Э. Левицкого, С.И. Потапенко, И.В. Недайновой. – Луганск: Изд-во ГУ "ЛНПУ имени Тараса Шевченко", 2013. – С. 10–37.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ В УКРАИНЕ: ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ¹

Воробьёва О. П.

Интеллектуальные революции выражаются и в новой постановке вопросов [...], и в новых способах на эти вопросы отвечать.

(В. З. Демьянков [2010: 15])

Лавинообразный рост количества публикаций, посвященных исследованию концептов, наблюдающийся в последнее время как на отечественном, так и на российском языковедческом пространстве (в отличие от западных лингвокогнитологических студий²), приобретает черты своеобразной моды. Подобная концептомания (по словам А. Н. Приходько) имеет свои положительные и отрицательные стороны. Сложившаяся ситуация напоминает состояние дел двадцатипятилетней давности, когда на пике расцвета лингвистики текста каждый исследователь считал необходимым предложить свой вариант набора единиц, а позднее, категорий текста. Таким образом инвентарь единиц текста и текстовых категорий множился, появлялись все новые и новые их названия, однако это мало что добавляло к уже сформировавшимся представлениям о механизмах текстообразования. Постепенно текстлингвистические студии теряли свой эвристический потенциал, и эта область исследований фактически затормозилась в своём развитии, оставив новым поколениям устоявшиеся научные представления о природе текста – о том, что делает текст текстом, – вошедшие в общий фонд филологических знаний. Учитывая то, что "концептосущности" разных рангов постоянно множатся, а их инвентарь наращивается почти в геометрической прогрессии, не грозит ли подобная судьба и концептологии в её теперешнем, гипертрофированном виде?³ Попробуем дать свой ответ на поставленный вопрос.

Существуют, на наш взгляд, два возможных, но противоположных по своему вектору сценария дальнейшего развития концептологии как области когнитивных студий: экстенсивный (т.е. и далее вширь, путем накопления данных о концептах, описываемых по схожим лекалам) и интенсивный, направленный на поиск новых точек роста, новых ракурсов исследования концептов и концептосистем на основе эвристически весомых обобщений относительно их структуры, содержания, взаимосвязей и других конститутивных и комбинаторных параметров. Однако наиболее целесообразным и, наверное, наиболее вероятным представляется третий, интенсивно-экстенсивный сценарий, согласно которому накопление данных об отдельных концептах хотя и продолжится (возможно, с акцентом на создании их антологий, подобных тем, которые уже составлены рядом российских ученых

[Антология концептов 2005; 2006; в целом таких томов на сегодня семь], справочников, глоссариев, лингвистических, философских [Европейский словарь 2011] или культурологических энциклопедических словарей концептов [Степанов 1997]), но будет постепенно отходить на второй план. На авансцену, скорее всего, выйдут концептологические студии междисциплинарного характера, ориентированные на изучение динамики концептов и концептосистем, специфики их взаимодействия, в том числе и в интерсемиотическом ракурсе, механизмов формирования (включая нейролингвистические) в синхронии и диахронии, тексто- и дискурсообразующей роли, энергетике воздействия, в том числе суггестивного, в разных дискурсных средах.

Очерчивание тенденций и перспектив развития отечественной концептологии в её лингвистическом и лингвопоэтологическом измерениях, что и является целью данного раздела монографии, не может быть осуществлено без непредвзятого анализа состояния дел в этой сфере когнитологии с учетом накопленного позитивного и негативного исследовательского опыта. Отсюда и задачи раздела, охватывающие: обобщение основных достижений концептологии как области когнитивных студий, сложившейся в отечественной лингвистике и лингвопоэтике; формулировка проблем, требующих решения в рамках лингвоконцептологии и художественной концептологии; а также выявление некоторых недостатков и просчетов в трактовке и анализе концептов. Поэтому, не останавливаясь на рассмотрении многочисленных работ, посвященных концептам у нас [Кагановська 2002; Луньова 2006; Мартинюк 2011; Ніконова 2008; Приходько 2008; Слухай 2005; Старко 2004 и др.] и в России [Антология концептов 2005; 2006; Болотнова 2004; Воркачев 2004; Зусман 2003; Карасик 2002 и др.], среди которых, в плане методологии и обобщений, в отечественном языкознании следует особо выделить последние работы А. Н. Приходько [Приходько 2008; 2009] и более ранние публикации Е. А. Селивановой [Селиванова 2000], сосредоточимся на указанных выше пунктах, которые, по аналогии с названием известной монографии по когнитивной поэтике [Cognitive Poetics 2009], можно определить как "gains, goals and gaps", т.е. достижения, цели и просчеты.

Достижения и проблемы. Среди основных достижений концептологии, независимо от её исследовательских доминант, прежде всего, следует выделить: формирование самой области исследований, определение её ключевого понятия, т.е. концепта, и способов его манифестации, построение типологии концептов, разработка алгоритма их моделирования и некоторые другие. Рассмотрим эти моменты более детально.

Вряд ли найдутся серьезные аргументы против того, что в последнее время концептология заявила о себе в Украине и на постсоветском пространстве как отдельная, в целом *сформировавшаяся область* – наука о концептах, их содержании, эволюции, взаимосвязях в рамках тех или иных концептосфер или концептосистем, область с многочисленными ответвлениями, которые пересекаются между собой, опираясь на общие или различные методологические и/или лингвофилософские основания [о последнем см. детальнее Мартинюк 2011]. Методологически сложилось два основных направления концептологии, которые условно можно назвать экперинциально-менталистским и духовно-менталистским. Первое из этих направлений базируется на философии экперинциального, или

опытного реализма, служащего основой американской когнитологической традиции, заложенной в своё время Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff and Johnson 1980], с опорой на их предшественников – Л. Витгенштейна, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Ч. Филлмора, Ж. Пиаже, В. Тернера и многих других, и усовершенствованной их многочисленными последователями [Lakoff and Turner 1989; Turner 1996; Kövesces 2000 и мн. др.]. Эта традиция, хотя и ориентирована на поиск определенных сенсорно-мыслительных универсалий, объективно коренится в приоритетах англосаксонской ментальности. Она выводит на первый план понятие воплощенного понимания (*embodied understanding*) как онтогенетической и филогенетической привязки процесса концептуализации к телесному опыту человека и человечества в целом – опыту, преломленному через культурологический фильтр [Lakoff and Johnson 1980: 14], используя при этом специфическую нотацию – запись обозначений концептов и концептуальных / когнитивных моделей маленькими заглавными буквами (*small caps*). В рамках второго направления концептологии, использующего иную нотацию (концепты обозначаются прописными буквами, как правило, полужирным курсивом, или берутся в кавычки), получили своё развитие идеи Анны Вежбицкой [Вежбицкая 1993], нашедшие воплощение и дальнейшее развитие в многочисленных работах российской школы логического анализа [напр., Логический анализ 2003], возглавляемой Н. Д. Арутюновой (среди учеников которой отечественный филолог Т. В. Радзиевская [Радзівєвська 2010], плодотворно работающая в области концептологии), и в исследованиях лингвокультурологического толка [Антология концептов 2005; 2006; Воркачев 2004; 2011; Карасик 2002 и др.]. Здесь раскрываются особенности, в первую очередь, славянской ментальности с её духовным началом. Хотя эти два направления концептологии в исследовательском ракурсе вполне совместимы, они отражают доминирование либо экпериденциально-менталистской, либо духовно-менталистской модели описания концептов и концептосистем, соответственно, в германских/романских или славянских студиях. Иногда, эти модели смешиваются, особенно в сопоставительных исследованиях, или используются без учета различий в их методологической базе, что вносит дополнительный элемент хаоса в и без того калейдоскопический универсум концептостудий.

К ответвлениям концептологии, чьи контуры представляются уже более или менее очерченными, принадлежат: *лингвоконцептология* [Зусман 2003; Луньова 2006; Приходько 2008; Слухай, Снитко, Вільчинська 2011], в том числе сопоставительная [Близнюк 2008; Старко 2004] и историческая [Бойко 2011; Троць 2008; *Historical Cognitive Linguistics* 2010] или диахроническая [Ваховська 2011; Корольова 2011; Поліна 2004; Tissari 2003]; *концептология текста* [Кагановська 2002 и её ученики] и *дискурса* [Морозова 2005; Приходько 2008: 237–248; Приходько 2009]; *концептология культуры* [Степанов 1997; 2007], включая лингвокультурную концептологию [Воркачев 2004; 2011; Карасик 2002]; *художественная концептология* [Аскольдов 1997; Ніконова 2008; Vorobyova 2005; 2012] и *идиоконцептология* как её составляющая [Vorobyova 2005]; *интерсемиотическая*, или *мультимодальная концептология* [Forceville 2006] (напр., концептология фильма, рекламы, балета и т.п.), а также концептологические студии в рамках мультимодальной стилистики [Nørgaard, Busse and Montoro 2010: 30–34;

Nørgaard 2010; Воробйова 2012; Vorobyova 2012], опирающейся на признание наличия в художественном тексте встроенной мультимодальности [Воробьёва 2010]; *невербальная концептология* (жестов, музыки, танца, архитектуры и под.), в частности, в аспекте паралингвального воплощения концептов [Приходько 2008: 120–121]; *концептология эмоций* [Борисов 2005 и др.] и *эмоциональных состояний* [Харкевич 2007], включая измененные состояния сознания [Присяжнюк 2011], которую условно можно назвать *лингвопсихоконцептологией*; *нейроконцептология* [Шамаева 2010; Bishop 2007], развиваемая в контексте нейронауки; *психолингвоконцептология* как область психолингвистики [Дженкова 2008 и др.⁴]; концептология как раздел *педагогической (лингводидактической) когнитологии*.

Не все из названных направлений концептологических исследований в равной степени представлены в Украине, а некоторые из них, например, нейроконцептология, невербальная и педагогическая концептология, пока ещё практически не представлены вовсе. Однако, если для создания нейроконцептологии необходима специальная аппаратура, а для развития невербальной концептологии – прежде всего, изменение исследовательского ракурса (учитывая то, что определенная теоретическая база для такого изменения в Украине уже существует [Серякова 2012; Солощук 2006; Seryakova 2009]), внедрение лингводидактической, или педагогической (как подобные дисциплины принято называть в европейской научно-образовательной среде [Nørgaard, Busse and Montoro 2010: 37–39; Pedagogical Stylistics 2012]) концептологии [Воробйова 2011: 8–10] – это лишь дело времени. С включением в университетские учебные планы магистратуры и аспирантуры курсов по методологии лингвистических исследований, спецкурсов или курсов по выбору по когнитологии возникла необходимость в интеграции когнитологии (и других теоретических дисциплин лингвистического цикла) и лингводидактики. Подобное объединение может состояться, на наш взгляд, вокруг трёх основных проблем: 1) как правильно формировать научные представления об основах концептологии / когнитологии, теперь когда мы уже знаем о типичных ошибках в толковании и использовании их основных положений; 2) как наиболее эффективно обучать основным методическим приемам научения дисциплинам когнитивного цикла, включая концептологию; 3) как наиболее целесообразно использовать знания о когнитивных основаниях языковых, речевых, текстовых и дискурсных явлений для овладения практическими и теоретическими аспектами иностранного языка. Значительный опыт в этом плане накоплен в Польше, в частности, в Лодзском университете, где группа учеников проф. Рональда Ленекера, например, Камила Туревич, активно внедряет в дидактическом плане его когнитивно-грамматические студии (ср. с педагогической грамматикой Л. Н. Черноватого [Черноватий 1999] из Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина).

Важным достижением концептологических студий является формулировка ***определения концепта***. Это результат коллективных усилий, хотя основной вклад в кристаллизацию этого понятия был сделан российскими учеными Е. С. Кубряковой [Краткий словарь 1996: 90–93] и Ю. С. Степановым [Степанов 1997: 40–76]. Именно благодаря их интеллектуальным усилиям, с опорой на более ранние наработки Р. Джекендоффа, А. Вежбицкой, Р. И. Павилёниса и др., мы знаем, что, с одной стороны, концепт – это: 1) основная единица сознания, составляющая

"коллективного подсознательного", оперативная содержательная единица памяти, единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания, "кирпичек" концептуальной системы, которая 2) отражает знания и опыт человека в виде "квантов" знания; 3) частично овеществляется, вербализуется языковыми средствами в их значения; 4) включает существенную долю невербализованной информации [Краткий словарь 1996: 90]. С другой стороны, по словам Ю. С. Степанова, концепт является 1) энергетическим сгустком культуры, ментальной картинкой того, что не всегда можно выразить словом, но можно увидеть, услышать, ощутить, узнать, прозреть, вспомнить; а концепты в целом 2) могут будто бы парить над словами и вещами, выражаясь (воплощаясь) в них [Степанов 1997: 40, 68]. Иначе говоря, речь идет о своего рода корпускулярно-волновой природе концепта, имеющего как минимум две ипостаси – конденсированно материальную (что присуще собственно языковым, или лингвоконцептам) и энергетично волновую (что характерно, в первую очередь, для концептов художественных). При этом доминирование той или иной из этих ипостасей определяется, прежде всего, средой существования концептов – языковой, культурной (где эти две ипостаси сбалансированы) или художественно-эстетической.

Соотношение языковых, (лингво)культурных и художественных концептов, особенно в динамике их взаимных преобразований, остается отдельной проблемой концептологии. При этом высказываются некоторые гипотезы, с которыми не всегда можно согласиться. Так, например, вызывает сомнение категоричность утверждения о том, что "художественный концепт – это переосмысленный лингвокультурный концепт" [Федоренко 2012: 11]. Возможно, такой вектор действительно прослеживается, если речь идет о концептуальных механизмах создания комического эффекта, эффекта абсурда или парадоксальности, построенных на обыгрывании и ломке стереотипов. Но вряд ли можно говорить о художественных концептах в целом как о дериватах концептов лингвокультурных. Во-первых, потому что охудожествляться могут не только концепты, получившие словесное ограничение, но и невербальные по своей природе концепты, например, архитектура, музыка, сенсорика в её различных проявлениях и мн. др. Во-вторых, согласно гениальному прозрению Виктора Шкловского, суть искусства, и художественной литературы в том числе, в его способности возвращать свежесть, первозданность (а значит, истинность) восприятию обыденного, привычного, совершенно необязательно входящего в концептуарий культуры. "И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством. Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием „остранения“ вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; *искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно*" [Шкловский 1925: 7].

Вряд ли можно согласиться и с тем, что "моделируя собственный художественный мир, автор не "придумывает" новых концептов, а "переживает" уже существующие в его этнокультурном сознании, комбинирует их между собой и реализует с их помощью свою целостную духовную позицию" [Федоренко 2012:

11]⁵. Исследовательский опыт в области когнитивной поэтики свидетельствует об обратном: сила искусства не только в преобразовании рации в эмоцию, привычного в непривычное, но и в эпифаническом прозрении, возникающем, в том числе, и благодаря формированию в сознании автора новых концептуальных узлов художественной картины мира, служащих основой для создания кенотипных словесных поэтических образов, в терминологии Л. И. Белеховой [Белехова 2002: 359–377]. Здесь речь может идти как о своеобразных художественных предвидениях (например, об образе *жидких мыслей* у Вирджинии Вулф, предвосхитившем гораздо более поздние данные о памяти воды [Воробьёва 2009: 773–774], об образе пирожных мадлен у Марселя Пруста, свидетельствующем о роли вкуса как триггера памяти [Lehrer 2012: 75–95; Черниговская 2012: 7] и мн. др.), так и о трансцендентальных переключениях, в частности, о погружении в иное время или в иную ментальность, как, например, у Вирджинии Вулф, создавшей кенотипную концептуальную метафору ЖИЗНЬ ЕСТЬ ИЛЛЮЗИЯ [Vorobyova 2005: 210–212], перекликающуюся с индуистским понятием *майя* как видимости, иллюзии.

Значимым для понимания природы концепта представляется выявление ключевых различий между *концептом* и *понятием* в плане их формирования и восприятия. Поэтому не могу согласиться с В. Н. Манакиным, который в своей полемической статье [Манакин 2011], частично посвященной и вопросам когнитивной лингвистики [там же: 28–32], утверждает, что "терминологическое размежевание *концепта* и собственно *понятия*" остается "не до конца понятным" [там же: 30]. Несомненно, многих деталей этого размежевания мы еще не знаем, однако основное известно: решающим является вектор нашей мыслительно-интерпретативной деятельности и различия в способе интериоризации концептов и понятий. Как отмечает В. З. Демьянков, концепт ("зачаточная" истина), в отличие от понятия, которое конструируется, реконструируется. "О *понятиях* [выделено тут и далее в оригинале. – О.В.] люди договариваются, **конструируя** их для того, чтобы "иметь общий язык" при обсуждении проблем. *Концепты* же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (не)уверенности, – отсюда диффузность, гипотетичность, размытость таких реконструкций" [Демьянков 2007: 27]. Кроме того, по мнению Ю. С. Степанова, концепт, в отличие от понятия, хоть и фиксирует общие и специфические свойства сущего, не "определяется", а "переживается", т.е. "включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций" [Степанов 2007: 20].

В целом, весомость явления "переживания", воплощающего неразрывность когнитивных и эмоциональных процессов (вспомним известное высказывание Франтишека Данеша о том, что "когниция прегнантна эмоцтей, а эмоция прегнантна когницией" [Daneš 1987: 168] и труды Антонио Дамасио [Damasio 1999; 2000]), остаётся недооцененной нашими когнитологами (см., скептические рассуждения на этот счет у С. Г. Воркачева [Воркачев 2011: 11–12]). Именно переживание является одним из способов постижения концептов (и не только в сфере художественной коммуникации), которые могут быть непосредственно *названы* присущим им именем, манифестированы путём *изображения*, *выражения* или *описания*, в том числе художественного, или *имплицированы*, когда они фактически "прячут" (в терминологии Ю. С. Степанова) над текстом или дискурсом, выходя на поверхность

благодаря намёкам, ассоциациям, именам других, родственных концептов, совместно формируя своеобразную идеограмму ключевого текстового и/или художественного концепта, как, например, в стихотворении Бориса Пастернака "Определение творчества" из цикла "Занятие философией" [Пастернак 1990: 39], чья первая и последняя строфы приводятся ниже:

*Разметав отвороты рубашки, / Волосато, как торс у Бетховена, /
Накрывает ладонью, как шашки, / Сон, и совесть, и ночь: и любовь оно.
/ <...> / И сады, и пруды, и ограды, / И кипящее белыми воплями /
Мирозданье – лишь страсти разряды, / Человеческим сердцем
накопленной.*

Занятно, что небольшой эксперимент, проведенный в разных аудиториях слушателей-филологов, которым предлагалось реконструировать ключевой концепт этого стихотворения, не зная названия последнего, регулярно высвечивал болевые точки в техниках такой реконструкции. Так, обнаружилась четкая тенденция соотносить предполагаемый ключевой концепт с наиболее эмоционально нагруженными лексемами в его составе – "страсть", "любовь", а не выстраивать некие конфигурации функционально значимых элементов, ассоциируемых с музыкой, вдохновением, измененными состояниями сознания, экстазом, позволяющим выйти на глубинное представление о творчестве.

Отмеченные выше *способы манифестации концептов*, установление которых представляется инструментальным для концептологии, вписываются в определенный спектр репрезентаций концептов, ранжированных по следующему ряду шкал: 1) экспликация :: кристаллизация (постепенное эксплицирование) :: импликация; 2) концентрированная репрезентация :: кумулятивная репрезентация (наращивание) :: диффузная (рассредоточенная) репрезентация; 3) прямое обозначение :: намек :: комплекс ассоциаций; 4) конвергентная репрезентация :: дивергентная репрезентация. Различие между двумя полюсами последнего из противопоставлений можно проиллюстрировать, сравнив приведенный выше фрагмент стихотворения Б. Пастернака, в котором прослеживается дивергентность в репрезентации ключевого художественного концепта ТВОРЧЕСТВО, заданного заголовком, но далее рассредоточенного по тексту, и известное стихотворение Лины Костенко о СТРАХЕ как внутреннем цензоре [Костенко 1989: 12], где названный концепт не задан ни заголовком, ни именем концепта, ни тематически связанной со страхом лексикой. Тут фактически срабатывает вертикальный контекст – знание реалий эпохи, биографий шестидесятников и т.п., подключение которого позволяет читателю собрать ключевой для стихотворения концепт из мозаики эмоционально окрашенных деталей, которые конвергируют в иконический образ напуганной души, опустошенной конформизмом и конъюнктурой:

*Шукайте цензора в собі. / Він там живе, дрімучий, без гоління. / Він там сидить, як чортик у трубі, / і тихо вилучає вам сумління. /
Зсередини, потроху, не за раз. / Все познімає, де яка іконка. / І непомітно вийме вас – із вас. / Залишиться одна лиш оболонка.*

Со способами манифестации тесно связано и такое явление, как *профилирование концептов*. А. Н. Приходько понимает под профилизацией концепта "дисперсную технику создания его вербального портрета" в дискурсивной деятельности человека как "материального представления потенциальных

возможностей концепта, что опосредуется синтагматикой речи" [Приходько 2008: 113]. В более широком понимании, профилирование концепта как модус его "вербального портретирования" [там же] в языке, тексте или дискурсе, базирующееся на языковом высвечивании одних концептуальных признаков на фоне затемнения других, отражает: 1) изменения способов манифестации концепта в диахронии (напр., толкование конкретных эмоций в наше время и у древних греков [Kostan 2006]); 2) их изменения или вариативность в синхронии, включая идиовариативность; 3) расхождения в концептуальных картинах мира (ср. концепты ПРОШЛОЕ/БУДУЩЕЕ у нас и у индейцев дельты реки Амазонки, чьё осмысление прошлого и будущего в контексте ВРЕМЕНИ основывается на разных базовых концептуальных метафорах: ЖИЗНЬ ЕСТЬ ПУТЬ – в нашей ментальности, потому что для нас будущее впереди, а прошлое позади, и ЗНАНИЕ ЕСТЬ ВИДЕНИЕ – у индейцев Южной Америки, для которых прошлое впереди, потому что они его знают и, образно говоря, видят, а будущее, как что-то неизвестное, сзади – его не видят); 4) расхождения в языковых картинах мира; 5) мировоззренческие расхождения, ср., например, роль концепта СМЕРТЬ в христианской и мусульманской религиях.

Ещё одним весомым достижением концептологии можно считать *построение типологии*, вернее, *типологий концептов*, различающихся исходными критериями классификаций. Если прибегнуть к неким обобщениям, ключевыми критериями систематизации концептов следует признать: среду существования и/или актуализации, содержание концепта, его универсальность или специфичность, место в иерархии или удельный вес в концептосистеме, степень вариативности, формат актуализации и др. Набор критериев и список классов концептов является открытым к пополнению и детализации (см., напр., дополнительные типы концептов у Приходько [Приходько 2008: 83–92], обзор классификаций лингвокультурных концептов у С. Г. Воркачева [Воркачев 2011: 66–67]). Приведем, с некоторыми собственными модификациями, образцы самых распространенных типологий концептов. Так, *согласно среде бытия*, которая и определяет онтологическую сущность концептов, выделяют: языковые (лингвоконцепты, или вербально выраженные концепты [Зусман 2003]); текстовые [Кагановська 2002 и её ученики]; дискурсные [Морозова 2005; Приходько 2008; 2009]; философские [Делёз, Гваттари 1998; Европейский словарь 2011]; культурные [Воркачев 2004; Карасик 2002; Степанов 1997], включая лингвокультурные [Воркачев 2011; Старко 2004 и мн. др.], и этноконцепты [Слухай 2005], совокупно формирующие концептуарий культуры – духовные концепты, "сгущения культуры в сознании человека" [Степанов 1997: 40]; художественные [Аскольдов 1997; Никонова 2008; Vorobyova 2005; 2012] и, недавно выделенные в отдельную категорию, эстетические концепты. *По содержанию* разграничивают: категориальные (ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО), теософские (ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, СУДЬБА), телеономные (ПРАВДА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ), апеллирующие к высшим духовным ценностям, и др. [Приходько 2008: 87–88], антропоконцепты (МАТЬ, ПРЕЗИДЕНТ), эмоциональные концепты, или концепты эмоций [Kövences 2000], психологические концепты, гендерные концепты, экоконтцепты [Гребенникова 2008], мифоконцепты [Шестеркина 2011: 44], или концепты-мифологемы [Колесник 2003]. Тематический инвентарь концептов, коррелирующий с их распределением по предметным областям [Воркачев 2011: 67], представляется наиболее открытым, подверженным индивидуальным вариациям и в то же время

наименее структурированным. По степени абстракции разграничивают: универсальные ("концепты предельного уровня" как "аналоги мировоззренческих универсалий"), промежуточные и конкретные концепты ("концептуализации конкретных отприродных и артефактных объектов") [Воркачев 2011: 66–67]. По месту в иерархии, в первую очередь, текстовой, различают мега-, макро- гипер-, мезо-, катаконцепты и их составляющие [Кагановська 2002: 40]; согласно удельному весу в концептосистеме – метактоны, автоктоны и аллоктоны, демонстрирующие разную степень дискурсного системотворчества и вариативности [Приходько 2008: 126; Приходько 2009: 126]; по степени вариативности – константы, преимущественно культурные, как устойчивые и постоянные на определенном отрезке времени, и вариативные концепты [Степанов 2007: 77].

Мы предлагаем ещё одну сущностную классификацию концептов – по формату их репрезентации. При этом, в зависимости от среды актуализации, концепты, принадлежащие к каждому из классов, могут выступать как языковые / текстовые / дискурсные, культурные или художественные. В предложенную таксономию входят: 1) *единичные* (ЛЮБОВЬ, ЖИЗНЬ) концепты; 2) *двойные гештальтные* (ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ [Близнюк 2008], ЛЮБОВЬ/НЕНАВИСТЬ, МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА), т.е. такие, которые допускают употребление в виде единичных концептов, однако всегда имеют коррелятивную пару, формируя с ней целостный гештальт; 3) *кластерные* (ПУТЬ К СЛАВЕ) – концепты, не имеющие в конкретном языке собственного однословного имени, однако воспринимающиеся как ментальное единство, в имени которого некоторые концептуальные признаки эксплицируются, в то время как другие остаются имплицированными [Изотова 2006: 32–33]; 4) *кумулятивные* (SAVOIR VIVRE) концепты как конгломерат концептуальных черт, интегрированных в единое целое путём их накопления, аккумуляции; 5) *картинные* (ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ) – те, которые легче визуализировать, нежели описать словесно; 6) *параболические* (ПРАЖСКАЯ ВЕСНА, АРАБСКАЯ ВЕСНА) – концепты, содержащие в максимально свернутом виде некую историю или мотив; 7) *картинно-параболические* (УЛЫБКА ЧЕШИРСКОГО КОТА) – параболические концепты, представленные не только вербально, но и с помощью некоей визуальной эмблемы; 8) *эссеистические* (МОДЕРНИЗМ, СИМУЛЯКР) концепты, т.е. те, которые, строясь по принципу минимализации [Степанов 2007: 20], сохраняют в компрессированном виде большой объём философской и/или культурологической информации.

Отдельную проблему лингвопоэтологического плана составляет **разграничение трёх типов концептов** – текстовых, художественных и эстетических. *Текстовые концепты* принято толковать как "речемыслительные образования содержательного плана, характеризующиеся многосмысловой напряженностью и надкатегориальностью, имплицитные на текстовом уровне совокупности определенных признаков метаобразов художественного произведения, приобретающих свою экспликацию в тексте" [Кагановська 2002: 24]. *Художественные концепты* существуют в рамках определенной идиосферы как части художественной картины мира, обусловленной кругом ассоциаций творца, и возникают как намёк на возможные значения, как отзвук на предыдущий языковой и культурный опыт человека, выражающий индивидуально-авторское осмысление предметов и явлений [Никонова 2008: 172, 174]. С иной точки зрения, *ключевой*

художественный и/или текстовый концепт – это глубинный смысл, максимально и абсолютно свёрнутая структура, воплощающая мотив, интенции автора и порождающая текст; своеобразная точка взрыва, вызывающая текст к жизни [Красных 1998: 202].

Сопоставление приведенных дефиниций выявляет набор черт, общих для текстового, художественного и эстетического концептов, характеризующихся: 1) *многомерностью* вплоть до голографичности; 2) *компрессией*, свернутостью, программностью; 3) *внутренней напряженностью*; 4) *множественным смыслом* (по Р. Барту) [Барт 1994: 12, 412]; 5) *энергичностью*; 6) *эмоциогенностью*, воплощающейся как устойчивая или, напротив, изменчивая эмоциональная аура; 7) способностью выступать в качестве *текстового гена* (по Ю. М. Лотману) [Лотман 1996: 123], т.е. порождать сюжет, служить катализатором развертывания текста; 8) *встроенной интертекстуальностью*, существуя как своего рода концепт-эхо; 9) *потенциалом приобретения черт антиконцепта* благодаря открытию чего-то нового в известном как проявлении "диссидентства в семантике", опрозрачивания знака путём его отрицания [Степанов 2007: 158–174; Степанов 2007а: 21]; 10) *вариативностью* по шкале "стереотипность (*prêt-à-porté*) :: идиотипность (*haute couture*) :: кенотипность (авторское лекало)", если воспользоваться типологией словесных поэтических образов Л. И. Белеховой [Белехова 2002: 312–378], спроектировав на неё фешн-терминологию. Так, концепт СЛОНЕНОК, в силу его кенотипной метафорической проекции на концепт ЛЮБОВЬ (*Моя любовь к тебе сейчас – слонёнок*) в стихотворении Н. Гумилёва "Слоненок" [Гумилев 2003: 246–247], с одной стороны, служит текстовым геном, направляя эмоционально изменчивое развертывание стихотворного повествования от деликатной нежности – *Он может съесть лишь дольку мандарина, кусочек сахара или конфету* – до отчаяния сочувствия – *Он сделается посмеяньем черни, чтоб в нос ему пускали дым сигары* – и далее до торжественного триумфа – *в парче и меди, в страусовых перьях*. С другой стороны, ассоциативная аура этого концепта в её внутренней напряженности способствует возникновению интертекстуально насыщенной (*прикажчики под хохот мидинеток; Как тот, Великолепный, что когда-то нес к трепетному Риму Ганнибала*) текстовой голограммы, чей множественный смысл отпечатывается в читательском восприятии, приобретая абрисы эстетического концепта с его встроенной музыкальностью и резонантностью.

В то же время три названные разновидности концептов – текстовый, художественный и эстетический – могут отличаться своим объёмом, средой актуализации, семиотической привязкой, степенью идиосинкразии и, вероятно, иными специфичными чертами, которые ещё предстоит установить. Так, ни текстовые, ни эстетические концепты не привязаны исключительно к художественной литературе: первые – в силу своей дискурсивной "всеядности", последние – благодаря потенциалу гетеро- и интерсемиотического воплощения. Именно художественные концепты как составляющие индивидуально-авторской картины мира или картины мира, генерируемой тем или иным литературно-художественным направлением, представляются наиболее идиосинкратичными по своей природе. В этом смысле текстовые концепты наиболее нейтральны и стереотипны, а эстетические – наиболее универсальны, хотя и вариативны по своему наполнению в культурно-историческом ключе.

Еще одним серьёзным достижением концептологии является разработка алгоритма *моделирования концептов* в соответствии с двумя типами моделей: *капсульной* (идея лингвистического применения которой к описанию грамматических и текстовых структур принадлежит Э. Я. Мороховской [Morokhovskaya 1984]) и *слоистой* [Степанов 1997: 46–56; Карасик 2002; Луньова 2006; Приходько 2008: 4–64 и др.], послойной, палимпсестной, на подобие китайской шкатулки (с ядром и периферией или без подобной дифференциации её состава), широко используемыми в разных своих модификациях. В одной из версий капсульная модель была усложнена до модели ментально-психонетического комплекса (по Е. А. Селивановой), включающего вербализованный компонент мышления (знания в языке и знания о языке), невербализованный компонент мышления (опытные знания, знания культуры и т.п.), вербальные и невербальные образы-гештальты, психические функции, коррелирующие с мышлением, и архетипы [Селиванова 2000: 113–114]. Целесообразность послойного описания концептов была обоснована Ю. С. Степановым [Степанов 1997: 46], который утверждал, что "поскольку концепт имеет "слоистое" строение и разные слои являются результатом, "осадком" культурной жизни разных эпох, то с самого начала следует допустить, что и метод изучения окажется не одним, а совокупностью нескольких разных методов (или, можно сказать, "методик", – но это различие в словах не существенно)".

Алгоритм моделирования концептов включает несколько последовательных этапов анализа. Традиционно это: 1) установление способов и средств *входжения*, или *"входа в концепт"* (термин А. Н. Приходько [Приходько 2008: 49]) из речевой, дискурсной или текстовой ткани; 2) *метаязыковое (вербальное) титулование* (термин А. Н. Приходько [там же: 51]) концепта; 3) *этимологический и/или компонентный анализ*; 4) *понятийный анализ* по справочным и энциклопедическим источникам; 5) построение *синонимических или семиотических рядов* [Степанов 1997: 56–57]; 6) реконструкция (*перцептивно-*)*образного слоя* концепта с помощью маркеров вербализованной сенсорики и концептуальных тропов [Воркачев 2011: 67]; 7) определение *ценностной (валоративной) и значимостной составляющих* концепта [там же: 68]; 8) установление *ассоциативных связей* между концептами путём построения их сети в рамках реконструируемой концептуальной / художественной картин мира, включая индивидуально-авторскую, в тексте/дискурсе или на их отдельных участках.

Приведенный алгоритм в целом срабатывает, когда речь идет о моделировании языковых или лингвокультурных концептов, однако буксует на своём завершающем этапе, как только мы переходим к анализу концептов художественных, обладающих неограниченной ассоциативной и эмоциональной аурой и широким диапазоном развертывания. На данный момент существуют три основные методики реконструкции художественных концептов, верифицированные не только на малых прозаических и поэтических, но и на крупных литературных формах: 1) модифицированная (в плане изменения вектора анализа) *методика метаописания* [Кагановская 2002], основывающаяся на способе анализа и интерпретации словесного художественного произведения, разработанном Андреем Белым и далее усовершенствованном акад. В. В. Виноградовым [см. Степанов 1965: 289–297], который предусматривает инференциальное выведение иерархии

метаобразов разного ранга вплоть до конечного метаобраза как основной идеи произведения; 2) *методика построения ассоциативных сетей* [Никонова 2008] путём установления "синаптических" связей между ключевыми концептами художественного текста; и 3) *методика когнитивно-эмотивного анализа* с опорой на иконичность [Burke 2001] или на взаимосвязь иконичности и куматоидности (волнообразности) как источника эмоционального резонанса [Воробйова 2006] в контексте лингвотекстового преломления теории зеркальных нейронов. Еще одна методика, *методика мультимодального анализа*, базирующаяся на концепции встроенной интерсемиотичности художественного текста, находится в разработке и только начинает применяться в рамках когнитивно-поэтологических студий [Воробйова 2012; Воробьёва 2010; Vorobyova 2012].

Просчеты и проблемы. Весомые достижения в области отечественной концептологии имеют и свою обратную сторону. Так, увлечение анализом отдельных концептов по чётко определенным лекалам приводит к доминированию в концептологических студиях инвентаризационного подхода, при котором теряется видение системообразующих связей, важных не только для раскрытия механизмов взаимодействия концептов, но и для постижения динамики концептуальной картины мира в целом и на её отдельных участках, срезах или в её разных измерениях, включая художественное. Преимущественно статический взгляд на концепты, за исключением некоторых попыток подключить их дискурсную динамику [Мартинюк 2011; Приходько 2008; 2009], мешает осмыслить те изменения, которые произошли и происходят в нашем представлении о картине мира. Её исследовательский образ, изначально заданный и самим термином, и его дальнейшими детализациями как сети концептов или концептуальных узлов, как своеобразного панорамного стоп-кадра, постепенно трансформируется, приобретая большую динамичность и изменчивость. Можно сказать, что в концептологии мы неизбежно движемся от Эвклида к Лобачевскому, отходя от одномерного плоскостного толкования концептосферы к её многомерной интерпретации как сложной конфигурации волнообразных искривленных плоскостей. Несомненно, мы по-прежнему набрасываем на мир концептуальную сетку, но поверхность этого мира все больше и больше напоминает волнуемое море, нежели степную равнину.

Говоря о проблемной зоне концептологии, нельзя не согласиться с С. Г. Воркачевым, отмечающем целый ряд логических парадоксов и болевых точек, характерных для этой области когнитологии [Воркачев 2011: 70]. Некоторые из них, в том числе и отмеченные в данном обзоре, носят объективный характер, будучи вызваны, в частности, и "болезнями роста". Однако имеется и целый ряд субъективных просчетов, требующих осознания и устранения. Так, подмена при анализе концептов ментального собственно языковым и, наоборот, оторванность от языкового субстрата, незнание первоисточников, ссылки не на ключевых когнитологов, в том числе и зарубежных, а на случайных для когнитологии исследователей (что иногда диктуется их статусом оппонентов диссертаций), довольно распространённое неумение реконструировать концептуально-тропеические модели и выстраивать классификации (чего стоит, например, почти борхесианское деление метафор на концептуальные, антропоморфные и патологические [Бойко 2011: 14]), что нередко наблюдается в диссертационных работах (и что, к слову, необходимо преодолевать с помощью педагогической

концептологии), влекут за собой дискредитацию самого когнитивного подхода в лингвистических и лингвопозтологических студиях. Поэтому неудивительно, что злоупотребление концептами нередко вызывает не столько конструктивную, сколько огульную критику концептологии как таковой. Иначе говоря, временами происходит подмена "белой книги" концептологии, т.е. критической оценки разных вариантов решения концептологических проблем, её "зеленой книгой", т.е. скептическим отношением к самой целесообразности существования и развития концептологии и, шире, когнитивной лингвистики [см. Манакин 2011: 28]).

Выводы

Суммируя стоящие перед концептологией проблемы, следует, на наш взгляд, обратить особое внимание на такие её перспективы и нерешённые вопросы: 1) раскрытие энергетического потенциала концептов, в том числе художественных и эстетических, в их изменчивой динамике; 2) уточнение механизмов и способов организации концептов, включая фоноконцепты и грамматические концепты, в гомогенные и гетерогенные когнитивные структуры; 3) выработка принципов построения этно-, социо-, идио- и подобных концептуальных сетей и конфигураций, т.е. привязка концептов к среде их реализации; 4) разработка методик интерсемиотической реконструкции концептов в рамках общей методологии концептуального анализа. Художественную концептологию ждет движение от единичности концептов к их кумулятивности, от статики к динамике, от малых форм к формам крупным, от микро- к мегареализациям концептов и концептосистем, к пониманию художественных и эстетических концептов как многомерных образований голографической природы, обладающих мощным энергетическим зарядом как источником эмоционального резонанса в художественном и эстетическом восприятии.

Примечания

¹ Этот раздел является уточненной и дополненной версией недавней украиноязычной публикации автора [Воробйова 2011a]. Содержание указанной статьи, появившейся практически параллельно со статьей С. Г. Воркачева [Воркачев 2011] и во многом перекликающейся с ней, свидетельствует о назревшей объективной необходимости подведения неких итогов в становлении и развитии концептологии и очерчивания новых путей её дальнейшей разработки.

² Самые солидные англоязычные справочники по когнитивной лингвистике [The Cognitive Linguistics Reader 2007; The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics 2007] не содержат каких бы то ни было упоминаний о концептах как объекте исследования. Концепт как общее понятие иногда фигурирует лишь в контексте теории прототипов при рассмотрении явления категоризации [напр., Croft and Cruse 2004: 74–105]. Кроме того, встречаются отдельные англоязычные публикации, преимущественно польских и скандинавских лингвистов, посвященные анализу тех или иных единичных концептов [Bierwiazzonek 2002; Tissari 2003]. В последнее время интерес к концептам, в частности художественным, прослеживается и в рамках испанской когнитологической традиции [Romero and Soria 2012: 74], в частности, в контексте теории Л. Барсалоу о спонтанных (*ad hoc*) категориях [Barsalou 1983: 211–217]. Однако при этом вряд ли можно полностью согласиться с

С. Г. Воркачевым, который рассматривает лингвоконцептологию как "чисто российское, автохтонное образование" [Воркачев 2011: 71], хотя бы потому, что само понятие концепта как ментальной репрезентации, имеющей некое материальное воплощение, в том числе и вербальное, уходит своими корнями не только в российскую, но и в американскую лингвистическую традицию, а введение и анализ некоторых видов концептов, например, эмоциональных, связывается, изначально, с европейской когнитологией, в частности, с именем З. Кьовечеша [Kövesces 2000].

³ О методологическом кризисе в российской концептологии, в частности лингвокультурной, пишет и С. Г. Воркачев в упомянутой выше публикации [Воркачев 2011: 64–74], подчеркивая российскую автохтонность как лингвокультурологии, так и лингвоконцептологии [там же: 2–3].

⁴ О распространенности исследований в области психолингвоконцептологии в России свидетельствует отдельная рубрика "Психолингвистика и концептология" в журнале "Вопросы психолингвистики", издаваемом Институтом языкознания РАН.

⁵ Такое большое внимание полемике по поводу идей, высказанных в кандидатской диссертации, вызвано тем, что за ними, вероятно, стоит не только сама аспирантка, но и её научный руководитель, один из наших ведущих концептологов, проф. А. Н. Приходько, с которым интересно по дискутировать. Пафос этой дискуссии в том, что художественный концепт – это чрезвычайно деликатная материя, с которой следует быть весьма осторожным, и красивые предположения, сформулированные как утверждения, могут сослужить плохую службу начинающим (и не только) исследователям, учитывая нашу слепую национальную веру в печатное слово.

Литература

1. Антология концептов : [под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина]. – Волгоград: Парадигма, 2005 (Т.1 – 348 с., Т.2 – 356 с.), 2006 (Т.3 – 381 с.).
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология : [под ред. проф. В.П. Нерознака]. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : [сост., общ. ред. и вступит. ст. Г. К. Косикова]. – М.: Издат. группа "Прогресс", "Универс", 1994. – 616 с.
4. Белехова Л. І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект : дис. ... докт. філол. наук / 10.02.04 / КНЛУ. – К., 2002. – 476 с.
5. Близнюк О.О. Концепти ЖИТТЯ і СМЕРТЬ: лінгвокультурологічний аспект (на матеріалі паремійного фонду української та італійської мов): автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2008. – 20 с.
6. Бойко Т. В. Лінгвокультурний концепт MINNE / КОХАННЯ в німецькій поезії мінезангу XII–XIV століть: структурний та семантичний аспекти: автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2011. – 20 с.
7. Болотнова Н. С. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике Серебряного века : Мат-лы VII Всероссийского научно-практического семинара / 27 апреля 2004 г. : [ред. Н. С. Болотновой]. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2004. – С. 7–19.

8. Борисов О. О. Мовні засоби вираження емоційного концепту СТРАХ: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі сучасної англомовної художньої прози): автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Донецьк, 2005. – 20 с.
9. Ваховська О. В. Вербалізація концепту ГРІХ в англомовному дискурсі XIV–XXI століть: автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Харків, 2011. – 20 с.
10. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: Общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах // Thesis. – М., 1993. – Вып. 3. – С. 185–206.
11. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Том 70, № 5. – С. 64–74.
12. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
13. Воробйова О. П. Ідея *резонансу* в лінгвістичних дослідженнях // Мова. Людина. Світ: До 70-річчя проф. М. П. Кочергана. Зб. наук. статей : [відп. ред. Тараненко О. О.]. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 72–86.
14. Воробйова О. П. Когнітологія як експерієнційний міф: методики концептуального аналізу тексту // Актуальні проблеми філологічної науки та педагогічної практики: Тези III Всеукраїнської науково-практичної конференції / Дніпропетровськ, ДНУ імені Олеса Гончара, 8–9 грудня 2011 р. – Дніпропетровськ: ДНУ, 2011. – С. 8–10.
15. Воробйова О. П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. – 2011а. – Т. 14, № 2. – С. 53–64.
16. Воробйова О. П. Смак "Шоколаду": інтермедіальність і емоційний резонанс // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. – 2012. – Т. 15, №1 (в печаті).
17. Воробьёва О. П. Вирджиния Вулф и поэтика инсайта // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 764–776.
18. Воробьёва О. П. Словесная голография в пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф: модусы, фракталы, фузии // Когніція, комунікація, дискурс: Електронний збірник наукових праць. Серія "Філологія". – Харків. – 2010. – №1. – С. 47–74. Режим доступа: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no1-2010>.
19. Гребенникова Н. С. Концептуальный комплекс "Человек – природа – культура" в контексте культурно-экологического дискурса. – 2008. Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/konf/biodiversity/2008/2/44.pdf>.
20. Делёз Ж., Ф. Гваттари. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1998. – 288 с.
21. Демьянков В. З. "Концепт" в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сб. науч. тр. / ИЯ РАН и др. – М.–Калуга: ИП Кошелев А. Б., Изд-во "Эйдос", 2007. – С. 26–33.
22. Демьянков В. З. О *поколениях* и о научных парадигмах // Вопросы филологии. – 2010. – №3 (36). – С. 9–15.
23. Дженкова Е. А. Ассоциативная характеристика концептов вины и стыда в немецком и русском социумах (на материале экспериментальных данных) // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 93–97.

24. Європейський словник філософій: лексикон неперекладностей : [під кер. Барбари Кассен] : пер. з фр. – К.: Дух і літера, 2011 (Т.1, вид. друге, виправл. – 576 с., Т.2 – 488 с.).
25. Зусман В. Концепт в системі гуманітарного знання // Вопросы литературы. – 2003. – № 2 . Режим доступа: file://A:\concept 2.htm.
26. Ізотова Н. П. Текстовий концепт ШЛЯХ ДО СЛАВИ в англomовних біографічних романах ХХ століття: семантико-когнітивний та наративний аспекти: дис. ... канд. філол. наук. – К., 2006. – 252 с.
27. Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози (на матеріалі французької романістики середини ХХ сторіччя). – К.: Вид. центр КНЛУ, 2002. – 292 с.
28. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
29. Колесник О.С. Мовні засоби відображення міфологічної картини світу: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі давньоанглійського епосу та сучасних британських художніх творів жанру фентезі): дис. ... канд. філол. наук. – К., 2003. – 300 с.
30. Корольова А. В. Діахронічний вектор дослідження структур свідомості й мислення // Вісник КНЛУ. Серія Філологія. – 2011. – Т. 4, № 1. – С. 52–58.
31. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог, 1998. – 352 с.
32. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
33. Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальне поля порядку и беспорядка : [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. – М.: Индрик, 2003. – 640 с.
34. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
35. Луньова Т. В. Лексикалізований концепт ГАРМОНІЯ в сучасній англійській мові: структура і комбінаторика: дис. ... канд. філол. наук. – К., 2006. – 352 с.
36. Манакін В. М. Мова і загальна симетрія універсуму // Мовознавство. – 2011. – № 3. – С. 26–40.
37. Мартинюк А. П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики. – Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. – 196 с.
38. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект : монография. – Харьков: Экограф, 2005. – 300 с.
39. Ніконова В. Г. Трагедійна картина світу у поетиці Шекспіра : монографія. – Дніпропетровськ: Вид-во ДУЕП, 2008. – 364 с.
40. Поліна Г. В. Мовна об'єктивація концепту БОГ в англійському дискурсі ХІV–ХХ століть: автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Харків, 2004. – 20 с.
41. Присяжнюк Л. Ф. Змінені стани свідомості: лінгвістичний вимір // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО КНЛУ. Серія Філологія. Педагогіка. Психологія. – 2011. – Вип. 22. – С. 59–64.
42. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 331 с.

43. Приходько А. Н. Концепт в дискурсах vs концепты в дискурсе // Дискурс, концепт, жанр : коллект. моногр. : [отв. ред. М. Ю. Олешков]. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 125–139.
44. Радзівська Т. В. Нариси з концептуального аналізу та лінгвістики тексту. Текст – соціум – культура – мовна особистість : монографія. – К.: ДП "Інформ.-аналіт. агентство", 2012. – 491 с.
45. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология : монография. – К.: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
46. Серякова И. И. Невербальный знак коммуникации в англоязычных дискурсивных практиках : монография. – К.: Изд. центр КНЛУ, 2012. – 280 с.
47. Слухай Н. В. Етноконцепти і міфологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології. – К.: ВПЦ "Київський університет", 2005. – 167 с.
48. Слухай Н. В., О. С. Снитко, Т. П. Вільчинська. Когнітологія і концептологія у лінгвістичному висвітленні : навч. посібник. – К.: Вид-во КНУ, 2011. – 368 с.
49. Солощук Л. В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англomовному дискурсі : монографія. – Харків: Константа, 2006. – 300 с.
50. Старко В. Ф. Концепт ГРА в контексті слов'янських і германських культур (на матеріалі української, російської, англійської та німецької мов): автореф. ... дис. канд. філол. наук. – К., 2004. – 16 с.
51. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
52. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки русской культуры, 2007. – 248 с.
53. Степанов Ю. С. "Понятие", "концепт", "антиконцепт". Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сб. науч. тр. / ИЯ РАН и др. – М.–Калуга: ИП Кошелев А. Б., Изд-во "Эйдос", 2007а. – С. 19–26.
54. Степанов Ю. С. Французская стилистика. – М.: Изд-во "Высшая школа", 1965. – 355 с.
55. Троць О. В. Вербалізація концепту ДОЛЯ у давньогерманських мовах: етнокультурний аспект: автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2008. – 20 с.
56. Федоренко Л. В. Вербальна репрезентація комічного у драматургічному дискурсі Фрідріха Дюрренмата: автореф. ... дис. канд. філол. наук. – Харків, 2012. – 20 с.
57. Харкевич Г. І. Відображення стану тривоги персонажа в англomовній художній прозі: семантико-когнітивний та наративний аспекти : автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2007. – 20 с.
58. Черниговская Т. В. Нить Ариадны или пирожные мадлен: нейронная сеть и сознание // В мире науки. – 2012. – №4. – С. 1–9. Режим доступа: www.sciam.ru.
59. Черноватий Л. М. Основи теорії педагогічної граматики іноземної мови: автореф. дис. ... докт. пед. наук. – К., 1999. – 30 с.
60. Шамаева Ю. Ю. Методологические проблемы нейросетевого моделирования распознавания вербализованных концептов эмоций // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2010. – № 896. – С. 6–12.
61. Шестеркина Н. В. Миф как когнитивная парадигма // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2. – С. 40–49.

62. Шкловский В. Б. Искусство как прием // Шкловский В. Б. О теории прозы. – М.: Круг, 1925. – С. 7–20.
63. Barsalou L. *Ad hoc* categories // *Memories and Cognition*. – 1983. – No. 11. – P. 211–217.
64. Bierwiazzonek B. A Cognitive Study of the Concept of LOVE in English. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2002. – 228 p.
65. Bishop C. M. Neural networks for pattern and concept recognition. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 482 p.
66. Burke M. Iconicity and literary emotion // *European Journal of English Studies*. – 2001. – Vol. 5, No. 1. – P. 31–46.
67. *The Cognitive Linguistics Reader* : [eds. V. Evans, B. Bergen and J. Zinken]. – L.; Oakville: Equinox, 2007. – 974 p.
68. *Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps* : [eds. Geert Brone, Jeroen Vandaele]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. – 560 p.
69. Croft W. and Cruse D. A. *Cognitive Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
70. Damasio A. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. – N.Y.: Quill, 2000. – 313 p.
71. Damasio A. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. – San Diego etc.: Harcourt, A Harvest Book, 1999. – 386 p.
72. Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field // *Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists* : [eds. W. Bahner, J. Schildt, D. Viehveger]. – Berlin: Akademie Verlag, 1987. – P. 168–179.
73. Forceville Ch. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitive framework: Agendas for research // *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives*: [eds. Kristiansen G., Archard M., Dirven R., Ruiz de Mendoza Ibáñez F.J.]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 379–402.
74. *Historical Cognitive Linguistics* : [eds. Margaret E. Winters, Heli Tissari, Kathryn Allan]. – Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. – 365 p.
75. Kostan D. Y-a-t'il une histoire des émotions? // *ASDIWAL: Revue Genevois d'Anthropologie et d'Histoire des Religions*. – 2006. – No. 1. – P. 23–35.
76. Kövesces Z. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 223 p.
77. Lakoff G. and Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
78. Lakoff G. and Turner M. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
79. Lehrer J. Proust was a Neuroscientist. – Edinburgh etc.: Cannongate, 2012. – 242 p.
80. Nørgaard N. Multimodality: Extending the stylistic tool-kit // *Language and Style: In Honour of Mick Short*: [eds. Dan McIntyre and Beatrice Busse]. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – P. 443–448.
81. Nørgaard N., Busse B. and Montoro R. *Key Terms in Stylistics*. – London; New York: Continuum, 2010. – 269 p.
82. Morokhovskaya E. Ya. *Fundamentals of Theoretical English Grammar*. – K.: Vyshcha shkola, 1984. – 287 p.

83. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics : [eds. D. Geeraerts and H. Cuyckens]. — Oxford etc.: Oxford University Press, 2007. — 1334 p.
84. Pedagogical Stylistics: Current Trends in Language, Literature and ELT : [eds. Michael Burke, Szilvia Csábi, Lara Week and Judit Zerkowitz]. — L.: Continuum, 2012. — 219 p.
85. Romero E. and Soria B. Fictional ad hoc concepts as source domain in novel metaphor // Language, Narrative and the New Media: Book of Abstracts / PALA 2012 Conference, 16–18 July, 2012 / University of Malta, Department of English. — Valetta, 2012. — P. 74.
86. Seryakova I. I. Magic of Nonverbal Communication. Second ed., with additions and amendments. — K.: Освіта в Україні, 2009. — 161 p.
87. Tissari H. LOVEscapes: Changes in Prototypical Senses and Cognitive Metaphors since 1500. — Helsinki: Soci  t   N  ophilologique, 2003. — 470 p.
88. Turner M. The Literary Mind. The Origins of Thought and Language. — New York; Oxford: Oxford University Press, 1996. — 187 p.
89. Vorobyova O. Caught in the web of worlds II: Postmodernist wanderings through the ASC labyrinths in Kazuo Ishiguro's *The Unconsoled*: Philosophy, emotions, perception // Languages, Literatures and Cultures in Contact. English and American Studies in the Age of Global Communication. Vol. 2: Language and Culture : [eds. Marta D  browska, Justyna Le  niewska and Beata Pi  tek]. — Krak  w: Jagiellonian University Press, 2012 (in print).
90. Vorobyova O. "The Mark on the Wall" and literary fancy: A cognitive sketch // Cognition and Literary Interpretation in Practice : [eds. Harri Veivo, Bo Pettersson and Merja Polvinen]. — Helsinki: Helsinki University Press, 2005. — P. 201–217.

Источники иллюстративного материала

91. Гумилев Н. Сочинения. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003. — 677 с.
92. Костенко Л. Вибране. — К.: Вид-во художньої літератури "Дніпро", 1989. — 559 с.
93. Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы. Переводы: [Сост., вступ. статья и примеч. Л. Озерова]. — М.: Изд-во "Правда", 1990. — 559 с.